

Алексей ПЕЙДУС

ИЗ ЖИЗНИ ТАХОВ

ЦИКЛ "ТАХИ", ЧАСТЬ 1

16+

Алексей Пейдус
Из жизни тахов. Цикл
«Тахи». Часть первая

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63954811
SelfPub; 2021*

Аннотация

Кто мы? Что есть наша жизнь? Короткий, одинокий и бессмысленный полет маленького мотылька в безбрежье времени и пространства или искра, безусловно вплетенная в причинно-следственный танец языков пламени костра, по непредсказуемому стечению обстоятельств зажатого однажды нашими предками? Что не дает угаснуть этому пламени в веках и тысячелетиях – ненависть, месть, или... любовь?.. Вашему вниманию предлагается первый рассказ из цикла «Тахи».

Содержание

1	4
2	17
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Алексей Пейдус

Из жизни тахов. Цикл

"Тахи". Часть первая

1

Ключ плавно скользнул по мутной поверхности замка и тихо, с мягким хрустом вошел в замочную скважину.

Шаббрак набрал воздух в легкие и осторожно повернул дверную ручку. Внутри замка что-то громко щелкнуло, Шаббрак застыл, и резкий звук быстро растворился в призрачной и пыльной ночной тишине старого подъезда.

Шаббрак некоторое время прислушивался, затем перевел дух и больной рукой тихонько толкнул дверь в неосвещенную квартиру.

Проникнув в темный узкий коридор, он не стал зажигать свет. Квартиру он знал, как свои пять изуродованных пальцев...

Много раз он рисовал эту минуту в своем воображении. Много бессонных ночей провел он в своей неудобной, холодной постели, вычисляя нужное стечение обстоятельств.

Он прислонился к косяку и закрыл глаза. Приятное тепло разлилось по позвоночнику, дрогнувшей рукой он вытер вы-

ступивший на лбу пот. Тонкие губы искривились в бессмысленной, счастливой улыбке.

Как долго он ждал этот момент! Терпеливо, расчетливо...

Он умел это делать – ждать и терпеть. Ждать, притворяясь слабым, незащищенным. Нелепым. Недалеким. Терпеть, стиснув зубы, унижительную жалость окружающего мира, покровительственное снисхождение и заботливые улыбки свысока.

Притворяться – это идеальный способ существования, беспроектный и надежный. Только так можно выжить в этом суровом, но примитивном и предсказуемом мире. Скольких сильных, отважных, благородных – и потому бесконечно глупых! – пережил он на своем веку! Где сейчас те, кто насмеялся, кто издевался над ним в своей циничной доброте и деланном внимании?! Нет их, канули они в небытие, и Время давно стерло их имена из книги жизни.

А Шаббрак – вот он! Жив, здоров, и почти счастлив.

Почти счастлив. Почти – потому что, хоть и нечасто, но случалось, что «добыча» уходила из его рук. (И это было опасно: очень опасно, когда жив кто-то, кто видел твое Истинное Лицо). Страх разоблачения приходил по ночам, мучил, терзал душу, стискивал горло железной хваткой, могильным холодом проникал в сердце...

Почти... А еще – и это, может быть, важнее – потому что болит изуродованная Рыжей Бестией рука, похожая теперь на безобразную клешню. Болит дни и ночи, не переставая;

в течение многих, многих лет ноет разлагающаяся плоть, болят раздробленные кости. Нет спасения от этой боли, от яда страшных укусов разъяренной самки...

Почти! Потому что жажда мести клокотала все эти годы в груди, не находила выхода, жгла душу, мучила.

Потому что, даже когда он наконец-то нашел ЕЁ, эту тварь, он не мог сразу вцепиться ей в горло своими острыми, крепкими зубами. Не мог рвать, душить, топтать, давить. Потому что это было опасно – показать свое Истинное Лицо: рядом с НЕЙ всегда было много людей.

А она даже не догадывалась, кто притаился так близко от нее, кто выжидал, кто тенью следовал за каждым ее шагом. Он вынужден был многие дни, месяцы, годы притворяться – лебезить, угождать... Он умел быть услужливым. Для того чтобы быть все время рядом, для того, чтобы не пропустить – как случалось раньше – момент для последнего разящего удара.

Но вот и конец невыносимым страданиям.

Вот он – этот долгожданный миг!!!

Шаббрак бесплотной тенью скользнул в серую комнату, остановился, снова затаил дыхание, впился взглядом в темноту. Лишь нереальный, рассеянный свет далекого уличного фонаря слегка подсвечивал смятое постельное белье, сбившееся одеяло, осунувшееся лицо старухи с глубокими темными провалами на месте глаз. Лицо, даже в отталкивающей дряхлости значительное – с волевыми, четко очерчен-

ными скулами, высоким благородным лбом – было мертвенно бледным, словно вылепленным из ночного сумрака и белого снега.

Тишина...

На секунду Шаббрака охватила паника. Он опоздал! Но тут старуха чуть всхрипнула, шевельнула рукой.

Жива!

Шаббрак облегченно и громко вздохнул, и старуха открыла глаза.

– Кто?.. – раздался ее хриплый, срывающийся шепот, – Пончик, ты?.. Пончик!

Старуха беспокойно повела по сторонам давно ничего не узнающими глазами.

– Пончик, помоги встать!.. Кто тут? Костя, ты? Костик?...

Старуха вдруг затихла, а затем стала водить восковой рукой перед своим лицом, словно отгоняя от себя тяжелый, вязкий сумрак...

Уже много времени прошло с тех пор, как старуха впала в старческую деменцию. Она никого не узнавала, кроме сына; она путала имена, она почти разучилась ходить, она забывала, как нужно принимать пищу...

Она давно была неприятна окружающим, она сама была почти забыта, почти покинута.

Неумелый, грубый уход престарелого сына (единственного, кто оставался при ней), не нанимающего сиделку из скардности, приносил больной физические страдания. Тупая

душевная боль, не осознаваемая умирающим мозгом, и потому еще сильнее терзающая сердце, все нарастала, усиливалась с каждым днем...

...Она прожила очень долгую, очень трудную, полную тягот и передрыг жизнь. Впрочем, как и многие из ее поколения.

Оставшись без мужа в страшные сороковые, пережив голод и лишения послевоенной разрухи, она сумела выжить, поднять двух своих, да вдобавок еще и трех приемных детей.

Она умудрилась построить жизнь с чистого листа. Когда казалось, что впереди только пропасть, она смогла протоптать тропинку жизни над бездной отчаяния.

Она всегда жила для других, даже в самые трудные времена – сильная, надёжная. Люди тянулись к ней: она всем хотела помочь, старалась никому ни в чем не отказывать...

После войны жизнь постепенно наладилась, дети выросли, родили своих детей.

Она, конечно же, воспитывала внуков и успела понянчить правнуков.

Она всегда отдавала, ничего не требуя взамен.

Она должна была быть счастливой в старости...

Однако вот – одинока, несчастна, всеми покинута. Она медленно умирала среди холодного безразличия, в плохо отапливаемой, большой, но совершенно пустой квартире...

В редкие минуты прояснения сознания она судорожно

стискивала край ветхого байкового одеяла, закусывала бескровную нижнюю губу, сдерживая крик отчаяния. Где ее дети, почему не слышно здоровой и веселой возни ее правнуков? В какие дальние дали и какими ветрами унесены ее внуки? Где он – ее род?.. Тихие горькие рыдания отдавались призрачным эхом в лабиринте обклеенных дешевыми обоями холодных бетонных стен, замирали в сумраке захламленных комнат.

Одинока...

Что-то когда-то пошло не так...

И Шаббрак знал, ЧТО. Шаббрак знал, конечно же, КОГДА.

Он помнил ту пыльную, разбитую дорогу, словно видел ее только вчера...

Маленький чернявый мальчуган сидел в кривой, иссушенной жарким июльским солнцем колее разбитой проселочной дороги и играл поломанным перочинным ножичком. Шаббрак подавил в себе страстное желание хлестнуть Пегую по крупу, пронестись тяжелыми тележными колесами по этому маленькому кусочку ненавистой плоти. Но это было бы недопустимо просто. НЕДОПУСТИМО просто!!! Долой искушение!

Мальчуган почувствовал, что кто-то мягко взял его за ухо и осторожно крутанул. Он залился веселым смехом, повернулся, поднял голову:

– Мама?!

Толстые лошадиные губы взмыли вверх, лязгнули удила. Лошадь заржала, а из телеги вылез странного вида дядька – горбун в засаленной дырявой телогрейке. Дядька криво усмехнулся, склонился над ним. Мальчик испугался изуродованного страшными шрамами лица, шмыгнул носом, готовый вот-вот расплакаться.

– Нет, пацан, это не мама. Твоя мамка сейчас на работе, ты же знаешь.

– Ты кто? – содрогнувшись от звуков страшного хриплого шепота, спросил мальчик, едва сдерживая навернувшиеся слезы.

– Я? – мужик неприятно хмыкнул, склонился над ним ниже, потянулся страшной, изуродованной рукой к курчавым детским вихрам, – можешь называть меня Дядечка Шаббрак.

Мальчик не выдержал, расплакался. Ему стало совсем страшно.

Уродливый дядька склонился над ним очень низко, неожиданно схватил за волосы, заглянул в глаза. Не в силах отвести взгляд, мальчик почувствовал, как что-то проникает ему в голову, дробит мысли, черной мутию оседает в душе.

– Будь проклят, выкормыш! – теряя сознание, слышал мальчик страшные слова, – Будь проклят ты, твои дети и все, с кем ты соприкоснешься в жизни! Ты будешь моим Разрушителем. Ты станешь моим орудием, Костик...

– Костик, Костенька!!!

Мальчик открыл заплаканные глаза, мутным взглядом глянул на подбегающую мать.

– Мама!..

– Господи, Костик! Разве можно играть на дороге?! А вдруг машина, вдруг повозка какая-нибудь, а ты заснул тут. Что же ты маму так пугаешь!

– Мама! – мальчик горько заплакал, уткнулся в родное мамино плечо, – Мама! Приезжал дядя на черной телеге, и он отравил мою голову. Мне плохо, мама!

– Ай, ты мой бедный! Тебя кто-то испугал, мой маленький? Тебе приснился страшный сон?

– Он отравил мою голову, – рыдал мальчик, – он засунул гнилую руку в мою голову и что-то положил туда плохое!

– Ну, успокойся, мой милый, – женщина прижала сына к груди и стала тихо гладить его непослушные курчавые вихры.

– Это он по отцу скучает – сказала она подошедшей соседке, – Как отец на фронт ушел, он часто плачет...

Ребенок постепенно затих, перестал всхлипывать. Образ страшного дядьки уходил из памяти, рассеивался, как утренний туман под первыми лучами майского солнца на маленьком огороде за их домом. Вот мальчик совсем успокоился, спрятал лицо в складках маминого платья. Слезы высохли. Но в сознании что-то было не так, в голове словно часики тикали. «Ты будешь моим Разрушителем!.. Ты разрушишь весь ее мир, ты обескровишь весь ее род...» – будто листочки

на ветру шелестели в голове непонятные страшные слова...

В липкой, кисельной темноте пустой квартиры медленно пропадали образы далекого прошлого...

— Где твои заботливые птенцы, дряхлая курица?! — злобно прошипел Шаббрак.

— Кто тут? — тревожно вскинулась старуха и замотала головой, — Пончик, зачем ты меня пугаешь!

— Мерзкая дрянь! Как долго я ждал этого мгновения! — Шаббрак подошел к кровати, — Как долго! Вот, наконец, ты в моей власти. О, страх в твоих глазах? Я ликую! Стоило, стоило мучиться все эти бесконечные годы, чтобы испытать подобное ликование! Узнаёшь ли ты меня, гадина, узнаёшь??? Нет, конечно! Ах, как жаль, жалкая тварь! Пусть! Мне не нужно, чтобы ты меня узнала, мне нужно видеть твою беспомощность, твой страх. Мне нужно ощущать твою боль, твои страдания. И видеть твой конец!.. О, нет! Знаешь, я передумал, я не стану тебя убивать сейчас. Я буду приходить, и терзать тебя каждую ночь, наслаждаясь твоими страданиями! Ведь тебя уже почти убило Безразличие и Одиночество, тебя медленно убивает твой сын, которому ты посвящала свою жизнь. Мучайся же, гадина!!!

Шаббрак наклонился к кровати и в исступлении стал трясти жалкое, иссушенное временем тело. Старая женщина беспомощно взмахивала руками, хрипела, страшно вращая

глазами. Наконец Шаббрак отпустил старуху, выпрямился, перевел дух. Старуха еще некоторое время слабо вскрикивала, всхлипывала, затем вдруг затихла.

А Шаббрак упивался ее бессилием и своим могуществом. Он вскинул в восторженном порыве непропорционально большую, шишковатую голову и развел в стороны руки со сжатыми кулаками.

Мсть!

Шаббрак наслаждался, получая извращенное, почти сексуальное удовлетворение от происходящего. Он забыл о времени, о годах позора, он забыл о никогда не прекращающейся боли в изуродованной правой руке. ОНА повержена, ОНА в его власти. Сладкая, сладкая мсть!..

– Ты не Пончик. Ты – Шаббрак! – раздался вдруг тихий, но твердый и удивительно спокойный голос.

Шаббрак вздрогнул, и, пораженный, опустил взгляд на старуху.

– Чтооо???

Заглянувшая в комнату луна расплескала призрачный свет по стенам, по старой кровати с массивными, железными спинками. Из сумрачной синевы сбитых подушек на него смотрели – пристально и строго – вовсе не мутные, не старческие глаза. Взгляд был чист, светел, тверд. Это была Рыжая Бестия – вовсе не сломленная! – ненавистная, пугающая.

– А-а-а-а-а-а!.. – Шаббрак нелепо мотнул головой, пошатнулся.

– Жалкий, жалкий Шаббрак! Ты все такой же – трусливый, злобный... и беспомощный. Ты безобразен, Шаббрак! – в ее голосе звучало презрение и... жалость.

– М-молчи, тварь! – взвизгнул горбун.

– Даже если я замолчу, суть твоя не изменится – маленький, жестокий, ненавидящий всех урод. Ты многих погубил, Шаббрак. Ты многих еще погубишь, – как жаль, что я не смогла загрызть тебя насмерть при первой нашей встрече!.. И как это я тебя не распознала десять лет назад, когда ты снова появился в моей жизни?! Непростительная оплошность... Я умираю... Но и ты ведь не живешь, Шаббрак! Твое мучительное существование – между бесконечной злобой ко всему живому и страхом собственной смерти – нельзя назвать жизнью. О, поверь, смерть была бы для тебя подарком... Но ответь мне на один вопрос, который не дает мне покоя всю мою жизнь. Скажи, Шаббрак, почему ты напал тогда на своего брата? Зачем ты хотел его убить? Ведь он защищал тебя перед сородичами, он кормил тебя... Если бы не он, тебя убили бы еще в младенчестве. Он заботился о тебе...

Шаббрак как-то нелепо мотнул головой, отступил еще на шаг, весь сжался и несвязанно залепетал:

– Заботился? Он – заботился?! Он издевался надо мной, он заставлял меня работать, он заставлял меня охотиться! Он был такой... сильный. Его...Его все любили. Он всегда делал вид, что смотрит на меня... с жалостью. Лгун, жалкий, циничный лгун! Он ненавидел меня! Что ты знаешь о жиз-

ни больного, несчастного калеки?! Меня всегда все ненавидели, даже та, с перебитыми ногами, которую я подобрал после камнепада, среди скал и выходил, и которая родила мне детей... Да, я убил и ее, потому что она меня ненавидела и презирала, как убью скоро тебя, как убью потом Последнего из твоего рода!

– Я так и думала... Все то же... Шаббрак, ты уродлив не телом, ты безобразен душой, – голос Рыжей был все так же ровен и спокоен, – Я тебя не боюсь, горбун. А вот ты меня боишься даже такую, беспомощную. Ты слаб в своей злобе, слаб и смешон. И ты можешь испугать, разве что, себя самого.

– Молчи! – Шаббрак уже оправился от шока, надменно выпрямился, насколько позволял ему горб; его тонкие губы искривились в насмешливой, жесткой усмешке, – Хватит болтать чушь! Ты – растоптана, ты – в моей власти. Моли о пощаде, и может быть...

– Молить тебя??? – звонкий задорный смех прокатился по комнате, – Молить тебя? Полно, Шаббрак! Скорее я укушу себя за затылок, чем позволю себе снизойти до такого слизня, как ты. Жалкий, жалкий Шабб...

Горбун взревел, метнулся к изголовью кровати, схватил подушку, навалился на старуху всем телом. В голове гулко бухал пульс, скулы свело от ненависти и злобы, перед глазами плыли красные пятна...

Скоро тело под ним перестало биться и последние кон-

вульсии сотрясли ноги жертвы.

Шаббрак застыл, прислушиваясь к себе. Он не почувствовал ни удовлетворения, ни радости.

Полежав так некоторое время, он тихо шевельнулся, затем встал, стащил смятую подушку с лица мертвой женщины. Она лежала так же тихо и неподвижно, как несколько минут назад, когда он только вошел в комнату.

Мертва...

Шаббрак склонился над трупом, прислушался. Нет сомнений, мертва! Он выпрямился и, не удержавшись, хлестнул по испещренному морщинами старческому лицу клешней изуродованной правой руки. Из ссадин выступили черные капли густой, остывающей крови...

– Остался всего один. Последний, – промолвило чудовище, – Ну, с ним хлопот уже не будет ... Остальные – тени, ветер, шелуха...

ГыНырґ обожал лицезреть себя.

Собственно, гигант только этим и занимался все последние века.

Нечего и говорить, что не было для ГыНырґа большего удовольствия, чем вновь и вновь упиваться красотой и силой своего великолепного тела.

В каком бы срезе реальности – свершившейся, или свершаемой – ни рассматривал он себя, ГыНырґ понимал, он – исключительно, божественно совершенен!

ГыНырґ слегка поморщился от нелепого, непонятно почему всплывшего в мыслях слова «божественно...». Затем усмехнулся: «Уж, не в гордыню ли ты впал, старый тах? Побойся Бога!»

Впрочем, Создателя ГыНырґ уже давно не боялся. Давно минули те времена, когда от причуд Его воли могло зависеть само существование ГыНырґа. Давно минули те времена, когда каждый Божий день, вместе с солнцем и голубым небом (либо с серыми тучами, ураганами и проливными дождями), приносил новые муки борьбы за существование, приносил страх смерти. ГыНырґ, при желании, мог видеть в бездне Совершённого страшные наводнения, ужасные бури, наступления ледников и долгие периоды иссушающей жары; он помнил голодные, тёмные века, которые следовали за десятиле-

тиями короткого благоденствия.

Капризы божьего ЗАКОНА в Исходные времена часто убивали маленьких, беззащитных тахов. Слишком часто. Именно поэтому на этой планете так долго и трудно становилась разумная жизнь – цивилизация тахов. У крошечных, тогда еще слабых организмов не было ни огромных клыков саблезубых тигров, ни мощных бивней великанов мамонтов. Только сильнейшая жажда жизни. И разум. И упорство преодолевать преграды, чинимые Богом. А ведь тахи – кто может поспорить?! – венец Его творения.

Тяжело было Тахам в Исходные времена

Самоосознание приходило к тахам медленно, в течение веков и тысячелетий. И далеко не в детском возрасте тахи начали понимать законы, по которым создавался и существовал этот мир.

Теперь ГыНырг знал, что суть Главного Божьего Закона (А БОГ есть ЗАКОН) – это Естественный Отбор. Слабая молекула вещества обязательно либо распадется на устойчивые частицы, либо сольется с такой же слабой – для образования сильной, нерушимой. Гигантская звезда, исчерпавшая свою силу, взрывается, уступая место другим, стабильным космическим телам.

Немощный тах должен был погибнуть в процессе эволюции, уступив место на Земле более сильным, а значит более приспособленным к ЗАКОНУ. ...

Так было всегда.

Горе тем тахам, которые не успевали понять это. Альтруизм стоил в этом мире очень дорого. Как можно отдавать кусок хлеба другому, когда сам умираешь от голода? Как можно подставлять плечо ближнему, когда сам едва передвигаешься от истощения? Нет большей глупости, чем жертвовать собой ради других.

Делясь со слабым, сам становишься слабее.

ГыНырґ сделал такой вывод для себя очень рано и с тех пор боролся с малейшими проявлениями жалости к своим собратьям, не столь успешным в жизни, как он.

Впрочем, надо быть справедливым, ГыНырґ старался жестко искоренять все слабое и в себе самом: ведь **выживает сильнейший** – это основа Божьего промысла.

Странно, но есть тахи, которые думают иначе. Вот, например, родственник тах Аллук говорит, что главный закон Бога – Закон Сохранения Крови, а Естественный Отбор – это не иначе как Экзамен, искушение от Лукавого. И не каждый этот экзамен сдает. И пройти естественный отбор, т.е. выжить, можно лишь соблюдая Закон Сохранения Крови.

«Мы живем, пока живет наша Кровь, – говорил Аллук, – Наша Кровь – это и есть мы».

Звучит непонятно и потому для других, наверное, очень умно. Аллук любил подпустить туман в свои разглагольствования, чем ужасно раздражал ГыНырґа.

Как-то Аллук сказал: «Как не прекращается жизнь таха с гибелью одной совершаемой клеточки, так **не прекращает-**

ся жизнь таха с гибелью самого таха, пока живет его кровь в других тахах». И еще: «Основа Закона Сохранения Крови – самопожертвование».

Тьфу! Жертвовать собой для сохранения своей крови в других?!

ГыНырг знал, что это – пустые глупости. Кровь не надо сохранять: однажды в жизни Избранного таха наступает момент, когда Кровь сама себя начинает сохранять. Вот это и есть – ЗАКОН. Нужно только дожить до этого момента...

Было время, когда ГыНырг еще не знал, что он – Избранный. Избранный для Вечности.

Когда-то он очень боялся смерти.

Чтобы избежать смерти, он искал Бога. Но дикие звери, ядовитые болота, зимняя стужа, страшные болезни, косившие тахов сотнями, – это всё тоже был Бог.

Сила ГыНырга состояла в том, что он стойко, мужественно встречал все испытания, выпадавшие на его долю.

Теперь страх смерти прошел: теперь ГыНырг слишком велик. Теперь ГыНырг вошел в Вечность. Теперь можно годами, десятилетиями, веками, не боясь больше Мечей Времени, заниматься своим излюбленным делом – самосозерцанием.

Теперь ГыНырг вошел в Вечность **совершенно**. Разве что сама Земля перестанет существовать. Но об этом ГыНырг предпочитал не думать.

Самоосознание пришло к Избранным тахам в Средние

времена, когда наука на Земле совершила мощный скачок вперед.

ГыНырґ долгие мрачные века провел в размышлениях о Смерти и о Конце Света.

ГыНырґ трепетал. Он вспоминал Смутные Времена – Великие переселения, Великий потоп, прочие Вселенские несчастья. Тогда большинство тахов, которых он знал, исчезли с лица Земли, да и сам ГыНырґ пострадал изрядно – потерял почти все свои конечности-ветви.

Многие его собратья думали, что Кара Божья обрушилась на Землю, что наступил Судный День.

Сотни тахов умирали безропотно, без всякого сопротивления силе ЗАКОНА...

Но это не был Конец Света, это был просто Естественный отбор. Это было Великое Испытание. (Время от времени Бог устраивает какие-нибудь Великие Испытания на этой планете). Слабые и немощные должны уйти в Небытие...

ГыНырґ боролся, и выжил. Он оказался Избранным – во все не за свою праведность, как могла бы, например, гласить Легенда о Справедливом Боге. Просто, ГыНырґ оказался сильнее многих своих братьев: он не был альтруистом...

Жизнь таха – это вечная борьба за существование.

Когда жизненного пространства на Земле становилось мало, или когда ветви одной группы тахов начинали претендовать на пищевую нишу другой группы, случались войны – явления, в общем-то, тоже весьма неприятные. Но неотвратимые.

тимые.

Ранее, когда тахов было мало, и когда они были маленькими, уязвимыми, очень часто случалось, что одни тахи полностью изничтожали других. И это тоже был Естественный Отбор. «Что ж, – вздыхал ГыНырг, – в этом мире выживает самый безжалостный».

Со временем Большие войны прекратились сами собой: орудия уничтожения собратьев стали настолько мощными, что Война стала угрожать существованию самой Цивилизации тахов.

И к этому моменту на Земле остались только Избранные, и мир теперь принадлежит только им, вечным.

Даже если сейчас и случались локальные стычки между тахами, они не носили фатальный характер: похоже, Естественный Отбор просто ровнял ветви Избранных, как садовник деревья: обрезал лишнее и слабое.

Чтобы процветать, нужно уметь жертвовать малым...

От кого-то из близких Гынырг слышал, что и ныне могут умирать тахи. Или рождаться. Но он не верил ни в то, ни в другое. Нет, это – в прошлом, в Изначальном. Конечно же, такие разговоры – просто выдумки обленившихся в самодостаточности таких же, как он, Избранных. (Последний тах, которого отпевали сородичи на памяти ГыНырга, погиб много сотен лет назад).

Скучно Избранным, вот и развлекают себя страшилками. Глупо...

Они, Избранные, прошли Великий Естественный отбор. Они нашли способ взаимного сосуществования (а это и есть секрет Вечности) – взаимный и безусловный симбиоз. Они составляют теперь единую Великую Цивилизацию. Они огромны. Каждый из них имеет миллионы щупальцев – ветвей. Они переплелись друг с другом настолько тесно, что порой и не определишь, чья это еще не совершённая клеточка искрит, допустим, в некой точке «А» Настоящего Времени – таха Х или таха Y? Или таха Z? Парадокс жизни тахов заключался в том, что практически всегда одна и та же искрящаяся клеточка принадлежала сразу нескольким тахам. Да и с совершёнными клеточками этих гигантов не всегда было просто определиться.

Поэтому смерть группы совершаемых клеточек – из-за внезапной катастрофы, стихийного бедствия или локальной войны – отзывалась болью в телах очень многих тахов чуть ни по всей планете. Разрушение одного таха теперь влекло бы за собой разрушение многих его собратьев. Поэтому, чтобы жить и расти в Современном Совершаемом, таху не только не нужно больше уничтожать собратьев-конкурентов, таху просто НЕЛЬЗЯ это делать. Парадокс.

Впрочем, оставим парадоксы Богу. Говорят, когда во Вселенной сталкиваются два исключаяющих друг друга Божьих Закона, случается то, что называется парадоксом. Хочешь, по одному закону Бытие толкуй, хочешь, по другому – все правильно. Ох, и хитрец этот наш Создатель...

...Итак, после долгих раздумий в Средние Времена, тах
ГыНырг пришел к выводу – ему уже не надо бояться ни Бога,
ни Времени. Он стал слишком большим, чтобы умереть. Ко-
нец Света возможен для него только с концом планеты Зем-
ля.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.